

Бай Хао устался на собственные руки, мысленно коря себя за то, что забыл о такой способности Бай Илоу. Он закатал штанину, обнажив покрытые шрамами и запекшейся кровью ноги, и с ухмылкой произнес:

— Давай, тут тоже подлечи.

Бай Илоу бросил на него косой взгляд, но ничего не сказал и наклонился, чтобы исцелить раны Бай Хао.

Устроившись на кровати на боку, Бай Хао спросил:

— Зачем ты вообще ходил к этому даосу?

Бай Илоу выпрямился и ответил:

— Просто хотел посмотреть, насколько вольготно он устроился.

— А, — Бай Хао принялся шарить по телу в поисках других ран, намереваясь заодно избавиться и от них, раз уж тот волей-неволей был обязан ему услугой. — И как, вольготно?

Бай Илоу с абсолютно бесстрастным видом сложил руки на груди, глядя, как Бай Хао чуть ли не штаны стягивает, выискивая синяки на заднице, и бросил:

— Живет в отдельном гостевом флигеле, роскошно, само собой.

Убедившись, что больше травм нет, Бай Хао застегнул одежду и озадаченно протянул:

— А то, как он живет, вообще связано с расследованием странных дел Клана Бай?

Бай Илоу помолчал с минуту, прежде чем ответить:

— Пока рано делать выводы, надо понаблюдать.

Бай Хао не до конца понимал ход мыслей Бай Илоу:

— И сколько нам так наблюдать? Даже если тут есть связь, вдруг всё это случится через двадцать лет? Мы что, проторчим здесь двадцать лет?

Бай Илоу нахмурился — судя по всему, вопрос Бай Хао задел его за живое. Однако, будучи твердо уверенным, что с фэн-шуй этой земли в Поместье Бай что-то не так, он лишь ответил:

— Понаблюдаем еще какое-то время.

— Ладно, — Бай Хао рухнул лицом на кровать и спустя несколько минут устало заснул.

Прибравшись в комнате, Бай Илоу сел на краешек кровати и погрузился в раздумья.

С этого момента Бай Хао понял, что Бай Илоу окончательно решил задержаться в Поместье Бай для наблюдений. Осознав, что от участи батрачить на чужие прихоти ему не отвертеться, парень вздохнул и принялся за работу со всей серьезностью.

Впрочем, сам даос никаких беспорядков не чинил, и в Поместье Бай стояло полное затишье. Проведя в поместье уже несколько месяцев, оба успели составить общее представление о царивших здесь порядках.

Поскольку Бай Вэньчан вел дела в Аньшуне, дома он бывал наездами. Его домочадцы жили в поместье постоянно, сам же он возвращался всего пару раз в месяц, а всеми делами в усадьбе заправлял Старый господин.

Но даже этот обладавший огромной властью Старый господин был вынужден выказывать немалое уважение даосу по имени Циньян.

В поместье все чтили его, и стоило Бай Вэньчану прислать из города какую-нибудь снедь, как первую порцию тут же отправляли прямиком к нему. Судя по всему, Бай Вэньчан строго держал данное ранее слово.

Однако после одного события этот почет стал постепенно сходить на нет.

Наступила суровая зима, и парочка застряла в Поместье Бай уже на добрых четыре месяца.

За это время они обнаружили немало ценных сведений. Если судить исключительно о влиянии Клана Бай, то Бай Вэньчан не только породнился с богатейшим человеком Аньшуня, но и поддерживал тесные связи с вождями различных округов, благодаря чему его влияние достигло зенита. Из этого Бай Илоу сделал вывод, что нынешнее перерождение наверняка окажется не таким уж простым.

Именно поэтому, несмотря на затянувшееся время, Бай Илоу и слышать не хотел о предложении Бай Хао прекратить упираться и перескочить к следующей временной точке, чтобы сразу увидеть результат.

Зимним днем оба, облаченные в грубые серые ватники, рубили дрова в дровяном сарае. Бай Илоу в этой одежде выглядел таким деревенским красавчиком с налетом неотесанности, в то время как Бай Хао походил на мелкого жулика и поминутно шмыгал носом, выглядя при этом невероятно комично.

Волосы Бай Хао сильно отрастили, а подстричься было негде: поначалу он думал найти какую-нибудь миску, надеть на голову и покромсать всё лишнее, но потом сообразил, что зимой холодно, и лучше оставить шевелюру — хоть шею прикроет.

Порубив немного дров, Бай Хао с жалобным стоном отбросил топор в сторону, засунул руки под одежду на груди, чтобы согреться, и заныл:

— Ужас как холодно... Слушай, давай тайком раздобудем железный котел и разожжем хоть немного дров?

Бай Илоу покосился на него и бросил:

— Мне не холодно.

У Бай Хао покраснел нос, и он страдальчески протянул:

— А ведь можно было не мучиться, просто перенестись вперед на год-другой, и сразу стало бы ясно, как развиваются события! Зачем обязательно торчать здесь? Хотя зацепки кое-какие появились, но если ждать реальных сдвигов, это явно не быстрое дело.

Бай Илоу оставил его слова без ответа. С наступлением зимы такие жалобы от Бай Хао звучали каждые три-четыре дня. Впрочем, нанывшись, парень неизменно смирялся со своей участью, подбирал топор и продолжал колоть дрова.

Ночью Бай Хао, втянув голову в плечи, вбегал в продуваемую всеми ветрами хижину, торопливо сбрасывал обувь и забирался на кровать, целиком укутавшись в тяжелое ватное одеяло.

Этот управляющий — просто негодяй! Мало того, что с приходом холодов им не сменили комнату, так еще и лишнего одеяла не допросишься. Бай Хао кипел от гнева, прекрасно понимая, что этот жук снова рассчитывает вымозгить с них денег. Бай Илоу уже был готов раскошиться, но Бай Хао принципиально не хотел платить — вместо этого он сам сходил в деревню и на свои кровные купил людям нормальное ватное одеяло.

И пусть деньги на самом деле принадлежали главному управляющему, Бай Хао отличался злопамятностью: раз уж удалось их захватить, он не собирался отдавать их в обмен на то, что им и так полагалось по праву.

В комнате горел тусклый масляный огонек. Бай Илоу вернулся с улицы с чайником в руке, вылил горячую воду в медный таз и сказал Бай Хао:

— Иди погрей ноги.

Бай Хао выдал «угу», кое-как доковылял до края кровати, завернувшись в одеяло, и, когда Бай Илоу подвинул к нему таз ногой, осторожно опустил ступни в поднимающуюся от воды паром.

Пальцы на ногах Бай Хао были сплошь покрыты цыпками: они то невыносимо чесались, то причиняли жуткую боль. Чтобы Бай Хао не принимался ныть при очередном приступе мучений, Бай Илоу каждый вечер брал на себя хлопоты по кипячению воды для его ванночек.

Хотя обычно Бай Илоу держался отстраненно и не подпускал к себе никого, за столь долгое время совместной жизни он перестал быть ледяным айсбергом.

Пусть он по-прежнему редко баловал Бай Хао добрым выражением лица, но всё же относился к нему куда теплее, чем к остальным чужакам.

Закончив с ванночкой, Бай Хао отнес воду вылить, а затем мгновенно юркнул под одеяло. Увидев, что Бай Илоу раздевается и собирается лечь рядом, Бай Хао скорчил такое лицо, словно жизнь потеряла всякий смысл, и послушно забился в самый угол.

Ему решительно не улыбалось спать в обнимку с Бай Илоу: этот парень — вылитый ледяной блок. Летом лежать рядом еще куда ни шло, но с приходом зимы любое случайное касание отзывалось таким пробирающим до костей холодом, что и словами не передать.

К тому же этот чудак в последнее время невесть что затеял: чем дальше Бай Хао отодвигался, тем настойчивее тот норовил придвинуться вплотную. С одной стороны ледяная стена, с другой — ледяной человек, и сам он зажатый между ними словно сэндвич, да так, что хоть плачь.

Бай Илоу откинул полог одеяла и лег. Внутри было очень тепло; слегка приподняв брови, он позволил своему вечно холодному лицу немного расслабиться, выражая молчаливое наслаждение комфортом.

Почувствовав прикосновение руки Бай Илоу, Бай Хао невольно вздрогнул. Лишь спустя какое-то время он привык к исходившему от того холоду и постепенно провалился в сон.

Как и прежде, сколько бы Бай Хао ни отрешивался от ледяного нрава Бай Илоу, стоило ему зауснуть, как он автоматически начинал использовать спутника в качестве живой подушки-

обнимашки, устраивался поудобнее и проспал так всю ночь.

В былые времена Бай Илоу наверняка сбросил бы наглеца пинком, но в эту морозную ночь греться о живую печку оказалось поистине блаженством.

Хотя сам он холода почти не чувствовал.

День спустя.

Всё Помесье Бай стояло на ушах. Сидя в дровяном сарае, Бай Хао и Бай Илоу наблюдали за суетящейся вокруг прислугой — было очевидно, что такой переполох мог означать лишь одно: вернулся Бай Вэньчан.

Бай Вэньчан действительно вернулся, да еще и не один, а со своей недавно вошедшей в дом молодой женой.

Надо сказать, этот Бай Вэньчан был редкостным неблагодарным чмом: ради того чтобы присосаться к могущественному деревенскому богачу, он без колебаний разжаловал законную жену в наложницы, а дочь толстосума возвысил до статуса хозяйки дома.

Хотя старшие члены клана единогласно выступали против подобного шага, Бай Вэньчан настоял на своем, и со временем домашние перестали вмешиваться — в конце концов, главой семьи был он.

Однако на сей раз изумление вызывало нечто совершенно иное. Прежде Бай Вэньчан всегда выказывал Цинъюану глубочайшее почтение и, стоило ему вернуться в усадьбу, непременно отправлялся во флигель даоса, чтобы засвидетельствовать почтение и посидеть с ним. На этот же раз он не только не переступил порог гостевого флигеля, но даже не удосужился послать даосу никаких гостинцев.

Подобное странное поведение озадачило не только слуг, но и всю семью, породив массу догадок и сплетен.

Старый господин, осведомленный об истинном положении дел, специально отправился к Бай Вэньчану за объяснениями. Но стоило тому раскрыть рот, как молодая жена принялась сыпать насмешками, поливая грязью и Цинъюана, и самого Старого господина, да так ядовито, что старика затрясло от гнева.

Бай Вэньчану вовсе не нравилось столь неподобающее поведение супруги, но поделать он ничего не мог — приходилось во всем ей потакать. Семью городского богатея лучше было не злить, а потому, предпочитая заставить домашних проглотить обиду, лишь бы не нажить проблем с тестем, он кое-как сгладил углы любезными словами и проводил Старого господина.

Какая-то из служанок, узнав об этом, при первой же возможности растрезвонила новость остальным, и хотя в открытую об этом никто не говорил, за спиной слуги только и делали, что перемывали всем кости за обедом и чаепитием.

Буквально за несколько дней вся прислуга в усадьбе уяснила, что с новой хозяйкой шутки плохи. Кое-кто поговаривал, что даос Цинъюан уже больше года паразитирует в поместье на всем готовом, не обладая при этом ни малейшими истинными способностями — обыкновенный чудака, который целыми днями не выходит из своего флигеля только для того, чтобы пустить пыль в глаза своими фокусами, и Бай Вэньчан, судя по всему, в нем уже разочаровался.

Эти слухи дошли и до прислуги, приставленной к флигелю Цинъяна, после чего отношение слуг к даосу и его поручениям стало всё более небрежным и ленивым.

Не имея иных развлечений в свободное время, слуги собирались кучками и принимались обсуждать последние новости в усадьбе, с особым усердием перетирая косточки оказавшемуся в эпицентре скандала даосу Цинъяну из-за поведения Бай Вэньчана.

Стоило зайти речь о Цинъяне, как у слуг тотчас находилась сотня догадок и тем для разговоров. Кто-то утверждал, что тот живет в усадьбе уже больше года, но никто ни разу не видел самого Цинъяна — даже прислуживающий ему лично слуга не удостоивался чести лицезреть хозяина. Кто-то еще поговаривал, что этот Цинъян на самом деле — еретический даос, который боится дневного света и целыми днями отсиживается в комнате, а Бай Вэньчан, мол, пригред в поместье настоящую нечисть.

Эти слухи, передаваясь из уст в уста и обрастая новыми подробностями, дошли до ушей Бай Хао и Бай Илоу, превратившись в историю о том, что даос Цинъян — человекоядный монстр, который околдовал Бай Вэньчана своими чарами, чтобы целыми днями прятаться в покоях и в безумной надежде постичь небесные тайны вываривать пилюлю бессмертия.

Оба тут же воспрянули духом. Бай Хао по приказу Бай Илоу тут же побежал виться вокруг молоденькой служанки из кухни, выпытывая новости.

Та служанка не смела даже прямо посмотреть на Бай Хао и, густо покраснев, проговорила:

— Я ведь тоже только со слов других слышала. Знаю лишь, что отношение хозяина к даосу Цинъян сильно испортилось. Говорят, будто колдовство даоса больше не действует и он больше не может дурманить голову господину.

Бай Хао поскреб в затылке и спросил:

— Ого! А ты не знаешь, откуда вообще взялся этот даос Цинъян?

Служанка немного подумала и ответила:

— Этого я не ведаю. Поместье Бай только-только достроили, когда мы пришли сюда служить, а даос Цинъян уже жил в нем.

Поняв, что больше ничего не добьется, Бай Хао бросил:

— Вот как. Спасибо.

Он крутанулся на пятках и зашагал прочь, совершенно не заметив разочарованного выражения на лице служанки. Та пару раз вздохнула, пытаясь окликнуть его, но, видя, что собеседник глух к ее зову, лишь тоскливо проводила Бай Хао взглядом, пока он не вышел из кухни.

Вернувшись в дровяной сарай, Бай Хао пересказал Бай Илоу те обрывки сведений, которые ему удалось вывести у девчонки.

Бай Илоу выслушал его с бесстрастным лицом, но чутко уловил кроющийся в словах подвох — похоже, ситуация начинает меняться. Тогда он сказал Бай Хао:

— Постарайся как-нибудь проникнуть в гостевой флигель и посмотри, что там к чему. Если он предпримет что-то подозрительное, сразу доложи мне.

Услышав это, Бай Хао недовольно проворчал:

— Выведывать новости — это я, бегать шпионить — снова я. Почему вечно все делаю я? Сам-то почему не пойдешь? Только и умеешь, что рассиживаться на своем кресле да приказы отдавать.

Бай Илоу искоса глянул на Бай Хао и с усмешкой произнес:

— В покоях этого даоса наверняка припасено немало магических сокровищ. Если я снова попадусь в его ловушку, не говоря уже о том, что подниму тревогу, тебе, пожалуй, придется еще раз смотаться на Гору Дарующую Детей. Так что выбирай сам: либо идти на разведку, либо отправляться на Гору Дарующую Детей — хорошенько подумай перед тем, как решать.

Бай Хао:

—

Эти слова задели за живое, и ему пришлось скрепя сердце согласиться:

— Ладно уж, тогда я выбираю первое. С тех пор Бай Хао стал еще пристальнее следить за Цинъяном. Однако постоянные прогулки во второй двор неизбежно вызывали подозрения, поэтому Бай Хао проявил большую сметливость: под предлогом помощи в уборке двора он затесался среди слуг и проник в гостевой флигель, надеясь попытать удачу и столкнуться с тем самым расхваленным даосом.

Но и после четырех-пяти визитов подряд Бай Хао не удалось даже мельком увидеть полуполы одежды даоса.

Время летело стрелой, и спустя декаду Бай Вэньчан вместе с новоиспеченной супругой покинул Поместье Бай и вернулся в Аньшунь.

При этом незадолго до отъезда Бай Хао заметил, что Бай Вэньчан действительно, как и говорили слуги, ни разу не навестил Цинъяна. Впрочем, самому Бай Хао тоже так и не посчастливилось с ним увидеться.

Слухи о падении влияния даоса Цинъяна быстро выплыли наружу и подняли невероятную бурю. О них узнали все молодые господа и госпожи в поместье. Стоило стене рухнуть, как ее

принялись толкать все кому не лень: прислуга, в чьи обязанности входило заботиться о повседневной жизни Цинъяна, начала пренебрегать своими обязанностями, а кое-кто даже воровал еду из его порций, демонстрируя крайне презрительное отношение.

Если же посмотреть на молодых господ и барышень из Поместья Бай, то найдется ли среди них хоть кто-то, кто упустил бы шанс пнуть упавшего даоса? Они и раньше недоумевали и завидовали тому, как тот устроился — ведь он был всего лишь шарлатаном, который ничего не умел, кроме как дурачить людей дешевыми уличными фокусами, но при этом наслаждался столь щедрыми условиями. Как тут не задохнуться от зависти?

Теперь же, видя, что Бай Вэньчан больше не обращает на этого человека внимания, они, дождавшись удобного момента, непременно старались найти повод и нарочно затеять смуту.

В тот день Бай Хао как раз подметал дворовые дорожки вместе с другими слугами, как вдруг в пределы двора закатился плетеный мяч для цуцзюй. Бай Хао удивленно воскликнул и подошел поближе, собираясь уже пнуть его ногой, но его остановил другой слуга, вовремя схватив за рукав.

Бай Хао недоумевающе глянул на него и спросил:

— Брат Ян, в чем дело?

Слуга, которого Бай Хао назвал братом Ян, понизив голос, проговорил:

— Похоже, этот мяч принадлежит второй барышне. Нам лучшешний раз не трогать чужие вещи от греха подальше. Я слышал, эта вторая барышня — та еще егоза, сущая беда. Если мы ее разозлим, еще неизвестно, какую бурю она поднимет.

Бай Хао протяжно выдохнул:

— Ох... — и послушно вернулся к метелке вместе с братом Яном.

Спустя мгновение во двор ворвалась свита из нескольких крепких слуг, сопровождавших молодую девицу. Вид у них был грозный и устрашающий.

Бай Хао и брат Ян в полном недоумении уставились на них. Девица была разодета в роскошные шелка, а на ее высокомерном лице читалось превосходство. На вид ей было около семнадцати-восемнадцати лет. Она тотчас принялась командовать своими спутниками:

— Идите и общите каждую комнату! Во что бы то ни стало найдите мой мяч.

Слуги хором отозвались и, разделившись на несколько групп, принялись с шумом толкать, пинать и распахивать запертые двери комнат гостевого флигеля. Бай Хао слегка нахмурился, подумав про себя, что эта девица, должно быть, хозяйка мяча для цуцзюй. Сам мяч лежал прямо во дворе, и любой зрячий человек, зайдя сюда, сразу бы его заметил, но эти люди, войдя

во двор, не стали искать его по сторонам, а устремились напрямик к комнатам — похоже, их истинные намерения были совсем другими.

Стоявший рядом Ян-гэ дернул Бай Хао за рукав и подбородком указал на ворота двора.

Бай Хао покачал головой, жестом показывая Янь-гэ, чтобы тот шел первым — он хотел остаться и посмотреть хорошее представление. Если так удастся выманить даоса Циньяна, это было бы неплохо.

Однако Ян-гэ еще не успел уйти, как девушка заметила их обоих.

Она широким шагом подошла к ним, с минуту разглядывала обоих и, заметив, до чего же хорош собой Бай Хао, не удержалась и заговорила:

— Вы оба отвечаете за уборку этого двора?

Ян-гэ торопливо закивал, подтверждая, а Бай Хао бросил на нее беглый взгляд, после чего перевел глаза на слуг, уже вломившихся в дверь, и вовсе оставил девушку без внимания.

Больше всего на свете он терпеть не мог таких самодовольных девиц, которые умеют лишь кичиться властью и ходить задрав нос, не имея при этом за душой ничего стоящего.

Заметив столь пренебрежительное отношение со стороны Бай Хао, девушка мгновенно вспыхнула от ярости, ткнула в него пальцем и прикрикнула:

— Дерзкий! Да как ты смеешь игнорировать мою барышню, смотри у меня, я живо велю тебя проучить!

Только тогда Бай Хао повернулся к ней, притворился, что прищурился и пригляделся, а затем изобразил на лице озарение и поспешно произвел:

— Прошу прощения, барышня, у меня дальновзоркость, вблизи ничего не вижу. Только что принял вас за дерево, потому и не обратил внимания. Надеюсь, барышня не взыщет.

Услышав это, девушка разозлилась еще сильнее, затыкала в Бай Хао пальцем и закричала:

— Ты, ты, собачий раб, да как ты смеешь оскорблять мою барышню! Я пожалуюсь отцу, и он велит оттащить тебя на съедение собакам!

Бай Хао мысленно усмехнулся: с ним был Бай Илоу, так что ему некого было бояться. Зато Ян-гэ перепугался не на шутку, смертельно боясь быть втянутым в неприятности, и поспешно заговорил:

— Не гневайтесь, барышня, у него действительно плохое зрение, вчера он чуть было в выгребную яму не свалился. Надеюсь, барышня простит его!

Бай Хао с наглым и веселым видом принялся усердно поддакивать.

Получив возможность сохранить лицо, девушка успокоилась, но все еще была зла. Она со злости пнула Бай Хао и побежала проверять, не обнаружили ли чего ее слуги.

Бай Хао поморщился от боли и потер ногу.

Ян-гэ едва не пострадал из-за Бай Хао и недовольно бросил ему:

— И зачем ты только это устроил? Если бы не я, выручил тебя, тебя бы уже давно выволокли и избили до полусмерти.

Бай Хао с беззаботной ухмылкой пропустил это мимо ушей и, продолжая мести метлой, стал наблюдать за слугами.

Те уже выломали двери нескольких комнат, но никого внутри не обнаружили. Видя, что из восьми комнат в и дворе отворили уже пять, Бай Хао невольно остановил работу и встал, наблюдая со стороны.

Добравшись до последней комнаты, люди никак не могли ее отворить. Девицу это взбесило, и она раздраженно выругалась:

— Никчемные бездари, даже дверь открыть не можете!

В этот момент из комнаты внезапно донесся голос:

— Кто здесь? Зачем пожаловали?

Слуги от неожиданности подскочили и растерянно переглянулись, а девушка уперла руки в боки и заявила:

— Я пришла за своим мячом для цуцзюй. Подозреваю, что ты его припрятал, и сейчас же войду внутрь, чтобы проверить. А ну отворяй дверь!

С этими словами она кивнула одному из слуг, указывая на мяч во дворе. Тот кивнул, поспешно поднял его и вышел из гостевого флигеля.

Голос из комнаты произнес:

— Никакого мяча я не видел, поищите в другом месте.

Девушка возразила:

— Не верю! Быстро открывай дверь, я должна войти и всё осмотреть.

Однако в комнате воцарилась тишина. Подождав немного, они снова начали колотить в дверь, но ответа по-прежнему не было.

Дверь не отворялась, на них никто не обращал внимания, и барышне стало откровенно стыдно. Она ведь явилась сюда устраивать скандал, а в итоге лишь опозорилась, поэтому ей ничего не оставалось, как разъяренной выбежать из гостевого флигеля.

Бай Хао презрительно хмыкнул. Посмотрев представление, в котором та полностью потеряла лицо, он подумал, зачем вообще эта девица сюда приходила — судя по всему, лишь для того, чтобы публично сесть в лужу.

Бай Хао презрительно хмыкнул. Посмотрев представление, в котором та полностью потеряла лицо, он подумал, зачем вообще эта девица сюда приходила.

Вернувшись, Бай Хао рассказал об этом случае Бай Илоу. Тот немного подумал и произнес:

— Наверное, кто-то недоволен тем, как обращались с даосом, а теперь, когда он лишился былого влияния, желает лишний раз его унизить.

Бай Хао поразмыслил и понял, что всё так и есть. Он с восхищением покосился на Бай Илоу: не зря это Бай Илоу — всего одной меткой фразой он указал на самую суть дела. В то же время Бай Хао чувствовал несправедливость по отношению к даосу Цинъяну: эти люди вели себя слишком подло.

Бай Илоу сказал:

— Подобное в ближайшие дни, пожалуй, будет происходить часто. Сам тоже будь начеку и не нарывайся на неприятности нарочно.

Бай Хао беспечно кивнул, вроде как соглашаясь.

В последующие несколько дней всё действительно оказалось так, как и говорил Бай Илоу: молодые господа и госпожи из поместья неизменно находили какие-то нелепые предлоги, чтобы войти и обыскать каждую комнату. Во-первых, их распирало любопытство, как выглядит этот загадочный даос; во-вторых, им хотелось посмотреть, до чего же хорошечно живет человек, к которому больше года выказывали такое уважение; ну а в-третьих, разумеется, они являлись сюда, чтобы в полной мере выразить свое презрение.